

АЛАНДСКИЙ КОНГРЕСС

Х. Сорина

Завоевание Прибалтики — такова основная цель, которую ставила перед собой Россия в Северной войне. Для достижения этой цели России надо было прежде всего добиться превосходства над соседними северными державами — Швецией, Данией, Пруссией. Но, как писал Маркс в «Секретной дипломатии», «если активность на Востоке была точно очерчена, вследствие устойчивого положения и ограниченности сношений азиатских народов, то активность на Западе сразу приобретала неограниченное мировое значение. благодаря неустойчивости положения и всеобщности связей в Западной Европе»¹.

Действительно, с самого начала Северной войны русской дипломатии пришлось принимать в расчёт не только соседние страны, непосредственно связанные с Прибалтикой, но и всю совокупность европейских международных отношений и в первую очередь борьбу между Англией и Францией за мировую гегемонию.

Война за испанское наследство изменила соотношение сил в Европе. Франция понесла поражение и потеряла своё былое влияние в европейских делах, а после смерти Людовика XIV, во время регентства герцога Орлеанского, французская внешняя политика оказалась окончательно подчинённой Англии. Пока шла война за испанское наследство, Пётр I фактически завоевал Прибалтику и лишил Швецию того влияния на севере Европы, каким она пользовалась со времени Вестфальского мира.

Таким образом, в результате двух одновременно происходивших войн была нарушена вся европейская политическая система. Развёртывается борьба за создание новой политической системы, новых международных союзов.

Успехи России позволили ей занять в этой борьбе ведущее место. Одним из наиболее интересных эпизодов этой борьбы и явился Аландский конгресс, задачей которого было не только заключение мира со Швецией, но и создание новой политической системы на севере Европы.

Ход переговоров на Аландском конгрессе подробно, на основании архивных документов, изложен у Соловьёва. Однако, убеждённый в том, что единственной целью Петра было добиться выгодного для России мира со Швецией, Соловьёв рассматривает Аландский конгресс изолированно от всей международной обстановки в Европе.

Рассматривая взаимоотношения России с другими странами, Соловьёв основное внимание уделял событиям, имевшим место после конгресса или, во всяком случае, начиная с 1719 г., т. е. с того момента, когда Аландский конгресс потерял своё первоначальное значение. В результате, несмотря на использование большого документального материала, в освещении Аландского конгресса у Соловьёва выпало самое существенное звено: осталась нераскрытой последняя попытка Петра воспользоваться благоприятной обстановкой в Европе, чтобы основать новую политическую систему в Германии. Создание новой системы мыслилось Петром в союзе со Швецией и Пруссией при обязательном участии Франции. Одностороннее толкование задач конгресса привело Соловьёва к неправильному пониманию причин его неудачи. Несколько

¹ К. Маркс «Secret Diplomatic. History of the eighteenth century». London 1899.

шире пытался поставить вопрос Полюевтков: он рассматривает Аландский конгресс и всю последующую внешнюю политику Петра как единоробство между Россией и Англией за гегемонию на севере Германии и за привлечение на свою сторону Швеции.

Но и его постановка вопроса грешит, на мой взгляд, двумя ошибками: во-первых, упускается из виду, что Англия при всём своём желании заключить мир со Швецией никогда искренно не стремилась восстановить в полной мере могущество Швеции. Именно Англия содействовала разделу шведских владений в Германии, заставив правительство Швеции пойти на уступки Пруссии и Дании; этих последних Англия действительно стремилась оторвать от России и привлечь на свою сторону в гораздо большей степени, чем Швецию, окончательно потерявшую своё значение европейской державы. Однако эти соображения относятся больше к событиям, имевшим место после Аландского конгресса; что же касается самого конгресса, то Полюевтков даже делает шаг назад по сравнению с Соловьёвым, совершенно упуская из виду международные отношения в Западной Европе и, в частности, взаимоотношения между Россией и Францией в связи с созданием четверного союза против Испании. То обстоятельство, что Франция под влиянием Англии отказалась от борьбы с Австрией, означало, что фокусом политических отношений становится Центральная Европа, а север приобретает второстепенное значение. Именно это определило неудачу Аландского конгресса, и сам Пётр, по крайней мере временно, снимает с порядка дня вопрос о проникновении России в Германию, сосредоточив всё своё внимание на заключении мира со Швецией.

Вопрос об открытии русско-шведских переговоров был окончательно решён в августе 1717 года. С этого момента до открытия конгресса на Аландских островах русской дипломатии пришлось вести борьбу с многочисленными попытками английских и ганноверских дипломатов сорвать русско-шведские мирные переговоры. Предварительные переговоры между Куракиным и представителями Швеции, как известно, происходили в Голландии. Несмотря на то что эти переговоры велись в строгой тайне, они, конечно, стали известны английскому правительству, которое с этого времени всё более настойчиво стремилось самостоятельно договориться со Швецией или принудить её к миру силой оружия. Вопрос о том, с Россией или с Англией примирится Швеция, принял форму своеобразного поединка между русской и англо-ганноверской дипломатией. Не располагая достаточной реальной силой, чтобы самостоятельно принудить Швецию к миру, правительство Георга I хотело использовать в своих интересах другие державы. Как и раньше, англичане обращаются к голландцам, которые несли больший материальный ущерб от нападения шведских каперов на торговые корабли, чем сама Англия. В январе 1718 г. в собрании голландской провинции было даже принято решение о отправке будущей весной 30 вооружённых кораблей в Балтийское море. Есть основание предполагать, что решение это было принято не без давления Англии. Одновременно Голландия решила вступить в переговоры со Швецией и Данией о восстановлении свободы торговли как в Северном, так и в Балтийском морях². Англичане, повидимому, рассчитывали при помощи большой военной экспедиции заставить шведов заключить мир с Ганновером. Шлейниц доносил из Парижа, что английский посол при французском дворе, Стерс, сообщая регенту о решении английского короля заключить сепаратный мир со Швецией, дал понять, что Англия рассчитывает добиться своей цели с помощью голландской эскадры³. Английские намерения встрегили прохладный приём

² Государственный Архив Феодално-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), дела голландские, 1718 г., № 5, л. 37

³ Там же, № 4, л. 28.

у французов, которые взяли на себя посредничество в переговорах между Швецией и Голландией о мирном урегулировании конфликта⁴. Голландские военные приготовления внушали серьезное беспокойство русскому правительству. Прежде всего ни в коем случае нельзя было допускать, чтобы Англия использовала голландские вооруженные силы для предоставления Ганноверу мира со Швецией, но даже и при мирном разрешении конфликта русские торговые интересы могли оказаться под ударом. Дело в том, что Швеция могла разрешить голландцам свободное плавание по Северному и Балтийскому морям, но при этом не распространить это разрешение на балтийские порты, принадлежащие России. Куракину поручалось воздействовать на голландцев в нужном для России направлении. От имени своего правительства русский посол должен был заявить штатам, что если они пошлют свои корабли в Балтийское море не ради своих собственных интересов, касающихся свободной торговли, а предпримут какие-либо действия, затрагивающие интересы Северного союза, «по желанию короля английского, который тем себя... ласкает», а также если при переговорах со Швецией по поводу установления свободы торговли будут исключены царские пристани, то это будет принято «за явный знак неприязни» штатов к царю. Россия тогда будет всеми имеющимися в её распоряжении средствами препятствовать голландской торговле, «и будем им и подданным их ту обиду мстить сколько и где возможем». Обо всём этом было сообщено голландским купцам, находящимся в России⁵.

Посылка крупной эскадры, как предполагалось вначале, не состоялась. После долгих споров было отправлено 10 военных кораблей, сопровождавших 30 торговых судов. Было бы, конечно, преувеличением приписать неудачу английского плана полностью русской дипломатии; здесь сыграли свою роль и англо-голландское соперничество и разногласия между отдельными голландскими штатами. Но, как бы то ни было, надежды англичан использовать голландцев в своих интересах не оправдались.

Антирусская деятельность английской дипломатии не ограничилась Голландией. В Пруссии английский представитель убеждал прусских государственных деятелей, что английский король имеет совершенно точные сведения из Швеции о намерении царя при заключении мира со Швецией оставить всех своих союзников и даже короля прусского. Королю Пруссии было предложено для обеспечения своей безопасности заключить «концерт» с королями английским и датским, к чему король английский не только изъявляет свою готовность, «но и все свои силы оферует». Кроме того английский представитель убеждал прусских министров, что царь намерен по заключении мира со Швецией вмешаться в «европейские дела». Он утверждал, что пока царские войска остаются в Польше, «невозможно быть в здешних краях тишины». Поэтому английский король рекомендует, чтобы Пруссия предложила польской республике потребовать вывода русских войск из Польши, а если царские войска добровольно не покинут страну, то собрать корпус из ганноверских, прусских и датских войск и принудить царя вывести свои вооруженные силы⁶. В Пруссии не только не поверили английским заявлениям, но даже попросили царя «для отвращения ганноверцев от всяких злых намерений» оставить русские войска в Польше⁷.

С несколько большим успехом английская дипломатия действовала в Дании. Датчане как будто больше склонялись к Англии, чем к России,

⁴ ГАФКЭ, дела голландские, 1718 г., № 5, л. 29.

⁵ Там же, 1718 г., № 2-а, л. 13—14.

⁶ Там же, 1717—1719 гг., № 8, л. 24—25.

⁷ Там же, дела прусские, 1718 г., № 3, л. 11.

но всё же выступить открыто против русского царя датский король не решился.

Дания, которая самостоятельно ничего не могла предпринять, выжидала, на чью сторону склонится победа, чтобы затем примкнуть к победителю. Датский король сам заявил в беседе с русским послом, что единственная его надежда — на бога, который его не оставит за праведные поступки, потому что только одна Дания сохраняет верность Северному союзу, в то время как все остальные северные союзники ведут сепаратные переговоры со Швецией⁸. Английская дипломатия, изыскивая средства для того, чтобы принудить Швецию к заключению мира с Ганновером, не отказывалась и от непосредственных переговоров с нею, старалась опередить в этом Россию. Примерно в то же время, когда русские уполномоченные отправились на Аландские острова, в Стокгольме прибыли голштинский министр Фабрициус и английский полковник Дукер для ведения переговоров от имени английского короля.

Обеспокоенное враждебной деятельностью английской дипломатии, русское правительство не только торопилось с открытием Аландских переговоров, но попыталось также воздействовать на само английское правительство. Русскому резиденту при английском дворе было поручено, во-первых, точно установить состояние переговоров между Ганновером и Швецией, для чего разрешалось «издержать некоторую сумму денег». Затем Веселовский должен был потребовать от англичан прекращения враждебной России деятельности и предупредить их, что если со стороны короля «что впоследствии» против царя, то пусть английский король «не нарекает» и на царя, потому что он намерен во что бы то ни стало отомстить за нанесённые ему многочисленные обиды.

«Под рукой» резидент должен был разгласить, что «наших войск великой корпус идёт ко Гданску, а может быть и далее пойдёт для пресечения неприятельских и фальшивых приятелей поступков». Кроме того предлагалось внушать английскому народу и особенно партии, противной двору, что английский король из-за своих немецких интересов хочет волевать Великобританию в войну с Россией⁹.

Пока инструкция дошла в Англию, выяснилось, что необходимость в подобных представлениях отпала. Ганноверские представители вернулись из Швеции ни с чем. Куракину удалось узнать, что английский король обещал шведам «корабли и деньги и прежние альянсы, учинённые с Англией, возобновить». Однако Карл XII велел передать английскому королю, что он (Карл) не может твёрдо надеяться на английские обещания, но требует, чтобы английский король «велел учинить проект, каким образом и какою силою» он сумеет возратить всё, завоёванное у Швеции русским царём; только в том случае, если Англия даст реальные гарантии, что действительно поможет Швеции вернуть её потери, Карл XII примирится с Ганновером¹⁰. Тщетными оказались и представления английского посла при французском дворе регенту, чтобы тот способствовал заключению сепаратного мира между Англией и Швецией. Предполагалось, что после заключения сепаратного мира Англия вступит в оборонительный союз со Швецией с целью предупредить дальнейшие намерения царя, направленные к нарушению покоя в Европе¹¹. Дипломатическая победа оказалась на стороне России.

В мае 1718 г. открылись конференции на Аландских островах. Представители воюющих стран сумели найти путь к переговорам без посредников. Официальные конференции в происходивших переговорах занимали сравнительно мало места, но очень скоро после открытия конгресса

⁸ ГАФКЭ, дела датские, 1718 г., № 7, л. 114.

⁹ Там же, дела английские, 1718 г., № 4, л. 25—26.

¹⁰ Там же, дела Аландского конгресса, 1718 г., № 4, л. 37.

¹¹ Там же, дела французские, 1718 г., № 4, л. 55—56.

установились конфиденциальные отношения между Герцем и Остерманом. В частных беседах поднимались и разрешались все важные принципиальные вопросы. Наряду с официальными реляциями обоих уполномоченных о ходе переговоров, а также с протокольной записью официальных конференций, в делах Аландского конгресса мы находим письма Остермана к самому Петру и к министрам. В этих письмах он даёт отчёт о закулисных переговорах, имевших первостепенное значение в ходе дела. Удержание всех завоеваний, сделанных у Швеции (кроме Финляндии без Выборга), — вот основное условие мира, которое русская дипломатия совершенно точно сформулировала ещё до официального открытия конгресса, как только начались переговоры со Швецией. Исключительная настойчивость, с которой Россия отказывалась сделать какие бы то ни было территориальные уступки в пользу Швеции, имела своим основанием очень трезвый и правильный расчёт. Без Лифляндии и особенно без Эстляндии с Ревелем Пётр не мог превратить Россию в морскую державу. Провинции эти находились в руках у России, и для русской дипломатии было совершенно ясно, что разорённая, разгромленная Швеция силой оружия никогда не сумеет их вернуть. Но Швеции могла помочь Англия, которая в таком случае должна была бы ввязаться в очень серьёзную войну с Россией, что как в силу международной обстановки, так и в силу внутриполитического положения Англии представлялось мало вероятным. Пётр спешил воспользоваться тем обстоятельством, что Англии не удалось договориться со Швецией, и торопил своих уполномоченных с ведением переговоров. Очень скоро после открытия Аландского конгресса шведские уполномоченные начали говорить об эквиваленте. Это означало, что шведы взамен всех уступок, которые они делают России, хотели получить вознаграждение в другом месте. Русское правительство только и ждало, когда будет произнесено это заветное слово. Сам Пётр в письме к Остерману писал, чтобы он дал понять Герцу, что Россия не откажется помочь Швеции получить вознаграждение из земель курфюрста ганноверского сверх возвращения Бремена и Вердена¹². «Обязательство эквивалента Швеции — вот та уступка, которую должен был, казалось, сделать победитель побеждённому, раз он хотел удерживать почти все свои завоевания»¹³, — пишет по этому поводу Полиевктов.

Мне думается, что неправильно оценивать эти обязательства России как «уступку». Во-первых, Россия была не меньше, а может быть, и больше, чем Швеция, заинтересована в нанесении удара Ганноверу — Англии, которых сам Полиевктов признаёт наиболее серьёзными врагами России. Во-вторых, и это — самое главное, Пётр, очевидно, рассматривал русско-шведское выступление против Ганновера как первый шаг к созданию новой политической системы на севере Европы, основанием которой и должен был служить союз России со Швецией и Пруссией. Уже в первых инструкциях Остерману, ещё до того, как началось обсуждение вопроса об эквиваленте, Пётр говорит именно о союзе со Швецией. В рескрипте на имя обоих уполномоченных от 20 апреля 1718 г. русским представителям предписывается поступать со шведами ласково и подавать им надежду, что современем, по заключении мира, царь может вступить с королём шведским в «конфидентную дружбу и ближайшее обязательство»¹⁴. Значительно дальше идёт Пётр в личном письме к Остерману. Остерман должен в частном порядке под строжайшим секре-

¹² ГАФКЭ, дела Аландского конгресса, 1718 г., № 3, л. 65—66; Полиевктов, приводя это место, почему-то опускает слово «сверх» и говорит только о Бремене и Вердене, что, собственно, не могло рассматриваться как эквивалент, поскольку эти провинции и раньше принадлежали Швеции. Полиевктов «Балтийский вопрос после Ништадтского мира», стр. 59.

¹³ Полиевктов «Балтийский вопрос...», стр. 57—58.

¹⁴ ГАФКЭ, дела Аландского конгресса, 1718 г., № 1, л. 39.

том сказать Герцу о намерениях русского царя «обязаться вечной дружбой» с королём шведским, что окажется чрезвычайно полезным для обоих государств. Вместо прежней вражды между Россией и Швецией тогда будет восстановлена вечная дружба и можно будет не только себя в безопасности считать, «но и баланс в Европе содержать», и Швеции в таком случае легко будет получить вознаграждение¹⁵.

О том же писал от своего имени Остерману и Шафиров. Царь действительно намерен восстановить истинную дружбу со Швецией, чему обещает помогать и регент французский, «и сам в тот план наш вступать хочет и прусской того ж желает». Шафиров просит, чтобы Остерман заверил Герца во всём этом от имени его, Шафирова, и посоветовал шведам не пропускать таких «добрых конъюктур»¹⁶. Весьма прозрачные намёки на заключение русско-шведского союза с перспективой присоединения к нему Франции и Пруссии не были со стороны русского правительства дипломатическим маневром. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к переписке русского двора с Францией за 1718 год. Одна из первых инструкций русского правительства своему послу в Париж Шлейницу представляет собой ответ России на предложение маршала де Юкселя (министра иностранных дел Франции) о том, чтобы русский двор в «конфиденции» объявил своё мнение об «ориентальских таки акцидентальских нынешних конъюктурах». Шлейниц должен был ответить, что ввиду отдалённости России там недостаточно хорошо осведомлены о положении дел в Италии, «что б о том с основанием себя изъяснить». Но если регент объявит свои подлинные намерения, тогда и Россия не замедлит объявить своё мнение, и «жели мы через мир с Швецией свободные руки получим, то мы готовы со оными в тесный союз и обязательства вступить»¹⁷. При всей туманности и осторожности изложенного документа одно совершенно ясно — Россия готова вступить в союз с Францией. Осторожность русской дипломатии была вполне обоснована. Правительство регента не могло не понимать, какие широкие перспективы открывал русско-французский союз, но для их реализации надо было отказаться от подчинения внешней политики Франции личным интересам регента и пуститься в смелые и, конечно, рискованные предприятия, в то время как для осуществления узких, эгоистических целей регента было вполне достаточно сохранения дружественных отношений с Англией и установления дружбы с Австрией.

Однако политика регента не встречала единодушной поддержки даже в самом французском правительстве. В частности министр иностранных дел маршал де Юксель был сторонником сближения с Россией, и у нас нет оснований полагать, что он был неискренен, когда в феврале 1718 г. говорил Шлейницу, что желает скорейшего окончания дела между Россией, Швецией и Пруссией. Он хочет, заявил де Юксель, чтобы был заключён не только мир, но и тесный союз, после чего можно было бы предпринять меры, весьма полезные как для царя, так и для Франции¹⁸. Сам регент тоже не решался открыто отказаться от союза с Россией, которая, объединившись с Пруссией и Швецией, могла стать решающей силой в Европе. К тому же было неизвестно, чем кончится назревающий конфликт с Испанией. Да и внутри страны регент чувствовал себя не совсем устойчиво, и поэтому поддерживать дружественные отношения с Россией представлялось весьма полезным. В начале марта Шлейниц был приглашён на тайную аудиенцию к регенту Герцог Орлеанский начал с того, что сообщил русскому послу о своём намерении

¹⁵ ГАФКЭ, дела Аландского конгресса, 1718 г., № 3, л. 45 Письмо зашифровано, и Остерману велено самому его расшифровать.

¹⁶ Там же, № 1, л. 79—80.

¹⁷ Там же, дела французские, 1718 г., № 3, л. 15—16.

¹⁸ Там же, № 4, л. 41—42.

«при нынешних приближающихся конъюктурах» послать министра к русскому двору и попросил Шлейница помочь в выборе кандидатуры на этот пост. Но то был только предлог: подлинная причина аудиенции заключалась совсем в другом. По сведениям регента, мир между Россией и Швецией или уже заключён или очень близок к заключению. Неизвестна только позиция короля прусского — действует он в согласии с Россией или нет, а ведь «король прусский к постановляемому ближайшему согласию между вашим величеством и Франциею необходимо потребен, а особливо ежели крепкие меры в римском государстве восприяты быть имеют»¹⁹. Через несколько дней Шлейницу дали знать, что послом в Россию назначен некто Вертон. Затем регент снова повторил свои уверения в готовности вступить в тесные обязательства с Россией, добавив только, что надо дождаться конца переговоров о примирении между Австрией и Испанией, а также окончания русско-шведских переговоров. Далее регент пустился в «крайне секретные» откровенные рассуждения о том, что если Россия не сумеет заключить союза со Швецией и Пруссией, то «другие сие учинят».

Франции необходим союз с Россией при обязательном включении в него Пруссии ввиду возможного примирения Австрии с Испанией, ибо тогда в Европе действительно будет восстановлен покой, но зато Австрия станет «устрашительна» для Франции и следует иметь против неё контрбаланс. Найти противовес Австрии можно только в союзе с Россией, Швецией и Пруссией — надо создать третью партию в империи, и «уже находятся знатные имперские чины, которые к сему делу охоту имеют». Однако регент не хочет повторить роковую ошибку своих предшественников, которые, создавая союзы в империи, начинали с ног, а голову забывали. Он же хочет начать с головы, т. е. с русского царя²⁰.

Два момента бросаются в глаза в приведённых рассуждениях герцога Орлеанского: во-первых, желание выждать, пока разрешится австро-испанский конфликт, а во-вторых, чрезмерная заботливость о Пруссии. Пруссия интересовала Францию при любых обстоятельствах и, может быть, даже не столько в связи с предполагаемым союзом с Россией, сколько как известный противовес русскому могуществу, которое, по-видимому, больше пугало, чем привлекало регента. Русская дипломатия очень хорошо понимала политику Франции и очень мало доверяла многочисленным дружеским признаниям герцога Орлеанского. Отсюда такая сугубая осторожность в отношениях с регентом. Русским уполномоченным на Аландском конгрессе была дана инструкция ни в коем случае не допускать к переговорам французского представителя, если он прибудет на Аландские острова вместе со шведскими уполномоченными. При этом высказывались опасения, что в случае, если в переговорах будет участвовать представитель Франции, то обо всём будет осведомлена Англия. Уполномоченным было предложено в случае, если французский посол будет настаивать на своём участии в переговорах, объявить ему, что пока на этот счёт нет инструкции, «а между тем являться к нему всякою приязнию и обнадёживать его нашей склонностью к короне французской, а особливо к регенту и что между нами, зело, изрядное согласие ныне обретается»²¹.

К сожалению, «изрядное согласие» пока обреталось только в мечтах русских дипломатов и не было претворено в действительность отнюдь не по их вине.

Шлейниц должен был склонять регента к тому, чтобы он воздействовал на шведов в пользу примирения с Россией. Когда же мир со Швецией будет заключён, Россия вместе с Пруссией будет в состоянии «во

¹⁹ ГАФКЭ, дела французские, 1718 г., № 4, л. 83.

²⁰ Там же, л. 94—95.

²¹ Там же, дела Аландского конгресса, 1718 г., № 1, л. 48—49.

всех случаях Франции генерально и партикулярно регенту служить», что будет гораздо надёжнее, чем дружба Англии и Испании.

В случае мира между Австрией и Испанией император станет особенно опасным для Франции, тем более что между Австрией и Турцией дело идёт к миру и для всей Европы было бы весьма полезно не допустить до выгодного для Австрии мира с Испанией. На дружбу России Франция может твёрдо рассчитывать, «к чему план того часу может учинён быть». Между прочим, Шлейниц должен был дать понять французам, насколько сильна Россия. Если мир со Швецией не удастся заключить, то Россия может в предстоящую кампанию вывести в море флот из 23—25 линейных кораблей; сухопутная армия находится в полной готовности, чтобы в случае надобности обратиться к ней туда, «где мы что от неприятеля и от лукавых друзей опасаться иметь будем»²². Однако лучше всего убедить Францию вступить в более тесные отношения с Россией мог бы факт создания союза между Россией, Пруссией и Швецией. Подобная идея, очевидно, показалась вполне реальной и шведскому уполномоченному Герцу, ставшему, может быть, более ревностным её сторонником, чем даже сами русские.

Именно перспектива создания новой политической системы, а не обязательство предоставить эквивалент явилась причиной сравнительно быстрого урегулирования территориальных споров на Аландском конгрессе. Эта же перспектива явилась причиной неудачи конгресса.

Излагая историю конгресса, Соловьёв приводит письмо Остермана от 3 июня 1718 г., в котором описываются закулисные переговоры, имевшие место между Остерманом и Герцем с момента открытия конгресса. Документ приведён у Соловьёва в виде большой цитаты и как будто полностью (кавычки поставлены в начале и в конце, а на пропуски нет никаких указаний). Согласно этому документу, события развёртывались следующим образом. Остерман, применяясь к честолюбивому нраву и «великой амбиции» барона Герца, сумел войти в доверие и установить с ним дружеские отношения. По мнению Остермана, барон искренно желал заключения мира «как для собственных выгод, так и по своей собственной злобе на других». Однако в деле заключения мира Герц имел против себя всех шведов. «Барон Герц мне несколько раз объявлял, что если Ваше Величество Ревель уступит не изволите, то очень трудно будет королю склонить к миру, и был он много дней очень печален... Я ему представлял, что шведскому королю никогда нельзя будет возратить войною потерянные провинции, а царское величество на других условиях мира не заключит, и если он, Герц, поможет заключению мира, то я обещаю стараться, чтоб царское величество не был против короля, когда тот станет вознаграждать себя в другой стороне. Барон Герц это предложение моё откинул далеко и сказал, что король за такие провинции никакого вознаграждения получить не может, ибо это крепости королевства шведского, и если их уступить, то Швеция всегда будет в воле царской. Я ему сказал на это, что провинции уже потеряны для Швеции; они за Вашим Величеством; королю остаётся одно — сделать так, чтобы дружба Вашего Величества послужила ему вместо этих, так называемых, крепостей. Потом мы имели с ним пространные разговоры о вознаграждении, которое может получить король в другом месте. Он меня спросил: может ли он по моему предложению начать дело у короля, и я, взявши с него честное слово, чтобы об этом, кроме его и короля, никто не узнал, объявил, что может». Затем договорились, что для убеждения короля лучше всего поехать самому Герцу²³.

Обратимся теперь к подлинному письму Остермана, хранящемуся в делах Аландского конгресса, и мы убедимся, что дело обстояло не так.

²² ГАФКЭ, дела французские, 1718 г., л. 31—32.

²³ Соловьёв, кн. IV, стр. 500—501.

как его изложил Соловьёв. В подлинном письме после слов: «...но ежели король шведский по желанию с вами мир учинит, то вашего величества дружба может ему вместо тех от него так зовомых крепостей слу-жить», — помешены очень интересные разговоры, происходившие между обоими уполномоченными и совершенно опущенные у Соловьёва. На последнее предложение Остермана Герц ответил, что Швеции трудно такие провинции уступить. На это Остерман возразил, «что наши уже с божьей помощью в довольной безопасности находятся и никто одного у нас не отнимет, а ежели бы для того ваше величество к тому склонен быть мог, тому не противным быть, когда король инде какое вознаграждение себе получить может, то мнится, что им не надобно было такого случая пропускать... Далее того, я в тот день себя объявить за потребно не рассу-дил, понеже я усмотрел, что те мои рассуждения некоторый ингресс у него получили». На следующий день барон Герц снова пришёл к Остерману «и по многим рассуждениям» с обеих сторон сказал под клятвой, что не видит способа склонить своего короля к уступке Ревеля, а об остальном можно было бы согласиться. По словам Остермана, Герц не ожидал, что царь будет так настаивать на Ревеле, и теперь не знает, что делать, и «в великом смятении обретается». Убедившись в искренности барона Герца, Остерман счёл нужным сделать ему «некоторое откровение»:

«Я ему рассуждал, что я сам довольно признаваю, что королю шведскому трудно те провинции так просто уступить, но, с другой стороны, вашему величеству никаким образом на иных кондициях мир учинить невозможно; и для того надлежит о таких способах мыслить, дабы ваше величество в своих кондициях удовольствован был и такожде король шведски за такую уступку каким нибудь образом инде б награждён быть мог. Ежели он, Герц, меня под честным своим словом паролем обнадёжить изволит, что он о том никому объявлять не будет, то я ему партикулярное моё мнение открою, и когда он, Герц, мне в том пароль свой дал и под клятвой обнадёжил, сказывал я ему, что ежели б король склонился Ваше Величество в своих кондициях удовольствовать, то я надеюсь, что Ваше Величество к тому склонить возможно, что вы интересы свои с интересами его королевского величества впредь ко взаимной безопасности и пользе, и для содержания баланса в Европе соедините и его королевскому величеству в получении себе инде какого награждения вспомогать будете» (разрядка моя. — X. С.). Затем были ещё пространные разговоры, и Герц попросил дать ему время на размышление. На следующий день он был вынужден признать, что русские предложения «план тот которой они себе делали вовсе опровергают, однако ж, понеже он все свои мысли на сие наше дело положил, того б ради я ему объявил, может ли он на тех моих предложениях в дело поступать и у короля трудиться». Заручившись клятвой, что всё будет содержаться в строжайшей тайне, Остерман сказал, «что он может без всякого опасения на том основанн у короля трудиться и что Ваше Величество при мире в том, что выше объявлено, себя обязать изволите». Герц попытался ещё раз заговорить о Ревеле, но Остерман ему коротко ответил, что его предложения «все дела в Европе в иное состояние приведут, и ежели нам оное в счастливое состояние привести, то весьма надлежит, что б всё то отнято было, еже когда к какой жалюзии между обоими народами подать может, и он, Герц, сам то признать принуждён был».

После уже начались пространные разговоры о том, где Швеции получить награждение. Но Остерман потребовал, чтобы об этом были сделаны предложения со шведской стороны. Совершенно ясно, что перелом в мнении Герца произошёл именно в результате последнего предложения Остермана, касающегося установления новой политической системы в Европе, а не простого предложения эквивалента, как это представлено

у Соловьёва. Только теперь, когда найдена была почва для принципиального соглашения, между уполномоченными начались рассуждения о том, как всё это можно лучше сообщить королю, чтобы была соблюдена строжайшая тайна. Порешили, что надёжнее всего, если сам Герц поедет к Карлу XII. Накануне отъезда Герца Остерман ещё раз посетил шведского уполномоченного и сказал ему, очевидно, для большей убедительности, что можно будет в «сию новую дружбу» принять и другие державы. Герц, правда, возразил, что ведь и другие державы потребуют себе уступок, а если всем уступать, то что же останется шведам. Остерман успокоил шведского уполномоченного, что те державы, которые желают получить уступку, возьмут на себя такие же обязательства, как и царь.

При прощании барон Герц осведомился «в самой конфиденции» у Остермана о фельдмаршале Реншильде: «Доволен ли он тем трактатом, который он в государствах вашего величества во время полна имел?» Если доволен, то надо поспешить с отправкой его на родину и через него внушить Карлу XII, что царь, питая высокое уважение к особе короля шведского, надеется, что сумеет с ним вместе содержать «баланс в Европе». Когда подобные внушения будут исходить из уст уважаемого королём старика, то Карл скорее склонится на предложение Герца. Откровенность шведского уполномоченного дошла до того, что он даже изложил свой план действий и те аргументы, которыми он предлагает убедить короля, «понеже король ничто так не смотрит, как что его честь ни в чём умалена не была». Герц намерен был представить дело следующим образом: «Каждому монарху надлежит то смотреть по окончании войны, сильнее ли он стал или нет и какое почтение другие державы тогда к нему иметь будут, а не о том, что имеет ли он какие провинции больше или меньше, и что вашего царского величества дружба его в состоянии приведёт, что все ещё и паче прежнего к нему consideration иметь принуждены будут».

На этом представители воюющих держав дружески расстались. Герц обещал сделать всё возможное, чтобы заслужить милость царя, а Остерман в свою очередь от имени своего государя обнадёжил шведского уполномоченного, что он может рассчитывать на лучшую собою шубу, которая «обретается» в русском государстве, и «что до 100.000 ефимков к услугам его будет»²⁴. Барон Герц только в двадцатых числах июня добрался до своего короля и представил ему предложение Остермана. Русские предложения, повидимому, встретили доброжелательный приём у шведского короля, доказательством чему служит согласие шведской стороны уступить царю Ревель, служивший до сих пор камнем преткновения в территориальных спорах между сторонами. Оставалось договориться по вопросу об эквиваленте.

Представленный Герцем по возвращении его в Лофо план предусматривал изыскание эквивалента за счёт Дании²⁵. Россия предпочитала, чтобы шведы получили вознаграждение за счёт земель курфюрста ганноверского; против Дании Пётр отказывался выступить открыто, но в крайнем случае соглашался не мешать шведскому королю в его действиях против датчан²⁶.

Барон Герц снова поехал к своему королю, а Остерман был вызван к русскому двору, поскольку там нашли, что проекты, представленные Герцем, «требуют великого рассуждения»²⁷. В начале августа оба уполномоченные «съехались обратно на место конгресса. Переговоры начали

²⁴ ГАФКЭ, дела Аландского конгресса, 1718 г., № 6, л. 252—262. Письмо Остермана помещено также в приложениях к «Журналу Петра Великого». Т. II, отд. II, стр. 498—508.

²⁵ План Герца сохранился в делах Аландского конгресса и приведён у Соловьёва. Кн. IV, стр. 502—503.

²⁶ ГАФКЭ, дела Аландского конгресса, 1718 г., № 1, л. 135.

²⁷ Там же, № 1, л. 190.

подвигаться очень быстро и велись почти исключительно между Остерманом и Герцем в неофициальном порядке. Русское правительство торопилось, чтобы скорей кончали дела, на что Остерман отвечал, что он трудится «денно и ночью, однако ж того так скоро учинить невозможно, ибо... ныне между нами торг идёт, при котором с довольною осторожностью едва поступать возможно». Многие проекты и контрпроекты «с обеих сторон уже сочинены и друг к другу приобщены были», но пока ещё не удалось окончательно договориться, «ибо каждый твёрдо содержится»²⁸.

Из принципиальных вопросов, подлежащих разрешению, наибольшую трудность представлял вопрос о короле прусском; чтобы не задерживать из-за этого переговоры, русское правительство предложило перенести этот вопрос «на их собственные договоры». Для этой цели предполагалось послать на Аландский конгресс прусского представителя в России Мардефельда. Однако в русско-шведский договор в качестве необходимого условия должен быть включён пункт, что между Швецией и Пруссией будет заключён мир в течение двух месяцев и чтобы король прусский «в Штеттине был удовлетворён»²⁹.

Наконец, 19 августа Остерман отправил к царю проект мирного договора и вслед за тем сам отправился ко двору. В делах Аландского конгресса в качестве приложения к реляции Остермана от 19 августа сохранился и шведский проект, но это не полный текст мирного трактата, а только вводная часть и сепаратные статьи³⁰. Располагая, таким образом, проектами Герца и Остермана, мы можем установить, насколько близки были Аландские переговоры к благополучному разрешению. То обстоятельство, что из проекта Герца до нас дошли только сепаратные статьи, не помешает сравнению, так как для нашей цели именно эта часть проекта представляет наибольший интерес, тем более что, как нам известно из хода переговоров, территориальные споры были урегулированы. Первый пункт обоих проектов посвящён Польше. Россия согласилась на шведское требование о восстановлении на польском престоле Станислава Лещинского. Следующий пункт касался одного из наиболее спорных вопросов — о короле прусском. В проекте Герца высказана полная готовность примириться с Пруссией, но при этом предусматривается, что если в Штеттине не удастся «дружбно» договориться, то Россия и Швеция должны будут «трудиться» доставить Пруссии «в вечное владение» город Эльбинг. Русский вариант умалчивает как о Штеттине, так и об Эльбинге: в нём сказано глухо, что в течение двух месяцев между Пруссией и Швецией должен быть заключён мир «на достойных и ко принятию с обеих стран возможных кондициях».

По поводу действий против короля английского, как курфюрста ганноверского, состоялось полное соглашение. Что касается одного из наиболее спорных вопросов — о Дании, — то и здесь дело оказалось почти улаженным. Швеция согласилась на то, чтобы царь не выступал открыто против датского короля, но просила только, чтобы из русских войск, которые будут находиться в Польше, двадцатитысячный корпус был послан в Мекленбург для прикрытия тыла шведской армии, которая будет действовать в Германии. В русском проекте этот пункт сформулирован следующим образом: Россия не будет препятствовать Швеции её собственными силами принудить короля датского к возвращению Швеции завоёванной у неё части Померании, а также восстановлению герцога Гольштинского. Очень интересна девятая сепаратная статья рус-

²⁸ ГАФКЭ, дела Аландского конгресса, 1718 г., № 6, л. 486.

²⁹ Там же, № 1, л. 193.

³⁰ Полиевктов почему-то об этом документе ничего не упоминает, хотя он специально занимался установлением того, какие проекты были составлены Герцем и какие Остерманом.

ского проекта, которой соответствует пятая в шведском; в ней речь идёт о привлечении других держав к предполагаемому русско-шведскому союзу. Герц ограничивается выражением в общей форме пожелания, что обе договаривающиеся стороны будут трудиться над тем, чтобы и другие страны «приступили» к их союзу. Русский вариант несравненно конкретнее и проливает свет на подлинные стремления России. «Договаривающиеся высокие страны,— гласит русская редакция,— хотя обе по лучшей мере трудиться корону французскую к тому склонить, что бо оная гарантию между ими... učinённого мира и постановленного вечного союза на себя перечяла и в оной вступила». А затем уже идёт речь о привлечении и других государств, для чего договаривающиеся стороны должны поручить своим представителям при иностранных дворах «виредь во всех своих негоциациях с общего совета поступать». К русскому проекту приложен «рецесс экзекуции», т. е. план проведения в жизнь сепаратных статей. Царь обещает помочь шведскому войску «рано и благополучно» войти в немецкую землю, для чего будут посланы не только транспортные суда, но и 8 больших военных кораблей для прикрытия шведского транспорта, кроме того царь обещает шведскому королю в случае необходимости «и всею своею морскою силою вспомогать». К тому времени, когда шведские войска вступят в Германию, русский вспомогательный двадцатитысячный корпус будет уже находиться там и поступит под командование шведского короля³¹.

Итак, в конце августа 1718 г. соглашение между Россией и Швецией было достигнуто. Перед нами грандиозный план действий, осуществление которого действительно означало бы создание новой политической системы в Европе, причём совершенно противоположной той, которая создавалась Англией. Оставалось провести в жизнь намеченный план.

В то самое время, когда аландские переговоры больше всего приблизились к благополучному завершению, на юго-западе Европы уже фактически началась война против Испании, переживавшей под управлением талантливого авантюриста Альберони свой последний взлёт. В войне за испанское наследство Франция и Испания были союзницами. Теперь Франция герцога Орлеанского, в глазах которого король испанский был прежде всего опасным претендентом на французскую корону, примкнула к антииспанской коалиции. Участие Франции в создаваемом Англией так называемом четверном союзе означало полное подчинение французской внешней политике интересам Англии. Россия, которая без Франции не могла создать свою новую политическую систему в Германии, делала сначала всё возможное, чтобы не допустить Францию к союзу с Англией и Австрией, а когда это не удалось, то попыталась оторвать регента от четверного союза.

Лето 1718 г. было периодом чрезвычайно напряжённой борьбы между русской и английской дипломатией за привлечение Франции к одной из вновь создаваемых политических систем. Борьба осложнялась и запутывалась, во-первых, разногласиями внутри французского правительства, во-вторых, тем обстоятельством, что регент хотел или, может быть, только делал вид, что хочет, совместить несовместимое участие Франции в четверном союзе с русско-французским союзом. В середине 1718 г. вопрос о союзе между Францией, Австрией и Англией был уже решён. Однако разногласия внутри правительства и недовольство общественного мнения Франции антииспанской политикой регента подавали надежды русской дипломатии на то, что к русско-пруско-шведскому союзу, когда он станет фактом, примкнёт и Франция.

В откровенном разговоре со Шлейницем французский министр ино-

³¹ Русский проект см. в «Журнале Петра Великого» Ч. 2-я, отд. II, стр. 624—667; Шведский проект — дела Аландского конгресса, 1718 г., № 6, л. 510—516.

странных дел маршал де Юксель признался, что он удерживал, как мог, регента от заключения ближайшего обязательства с Англией и Австрией, по «здесьшний триумвират милорда Стерса (английского посла во Францию.— Х. С.), аббата Дюбуа... и управителя королевского банка де Ласса английской нации, преодолел». Тогда он, маршал де Юксель, решил, чтобы быть в курсе дела, включиться в переговоры в надежде, что представится удобный случай отвлечь регента от вредного интересам Франции союза, но для этого необходимо предоставить регенту возможность вступления Франции в другие равносильные «аллианции». Вот почему французский министр иностранных дел так сильно желает, чтобы скорее завершились аландские переговоры³².

Между тем Англия торопилась с заключением четверного союза. Дюбуа находился в Лондоне, а Стейнгоп приехал специально в Париж, чтобы убедить регента скорее подписать договор. В свою очередь Шлейниц 20 июня посетил регента и попытался удержать его от этого шага. Царь надеется, сообщил Шлейниц, что до тех пор, пока не будут закончены аландские переговоры, быстро продвигающиеся вперед, Франция не вступит в четверной союз, угрожающий нарушить европейское равновесие. Французская корона, а равно и французский народ найдут для себя гораздо более сильную опору в союзе с Россией, Пруссией и Швецией, чем в так называемом «четверном альянсе», говорил Шлейниц. Несмотря на дружеские уверения регента, Шлейниц ясно видел, что победа клонится на сторону Англии. На всякий случай русский посол решил «через секретный и безопасный канал» внушить послам Испании и Сицилии об отрицательном отношении царя к заключаемому четверному союзу. Внушение, сразу оказало действие, и вскоре испанский посол во время секретного свидания со Шлейницем просил его заверить царя, что король Испании не собирается мириться с Австрией³³. Так начались дипломатические переговоры с Испанией. 18 июня испанский посол уже заявил от имени своего короля, что Испания намерена с царём «тесную дружбу и конфиденцию содержать»³⁴. Одновременно испанский посол в Голландии Беретти вступил в переговоры с Куракиным³⁵. Испания предлагала России заключить тесный союз «во мнении заключённого мира со Швецией и... оснуемого на том тесного обязательства».

Испанские предложения встретили у русского правительства довольно сдержанный приём. При русском дворе, повидимому, выжидали хода событий и не хотели пока портить отношений с Францией, которая находилась в центре внимания русской внешней политики³⁶. Переговоры с Испанией велись на всякий случай.

Русско-испанские переговоры были известны регенту, причём любопытно его отношение к ним. Он счёл нужным в «высшей конфиденции» и в надежде, что его заявление будет содержано в крайнем секрете, заявить русскому послу, «что ему сей союз не противен, но что он сей союз короля французского и короны интересам и с своими притом имеющими намерениями весьма сходным быть почитает»³⁷. Затем регент обещал, что он не допустит включить в договор о четверном союзе какие-либо статьи, противные интересам царя, и надеется, что и царь при вступлении в ближайшие обязательства с Испанией ничего не постановит против Франции. Трудно сказать, было ли это заявление выражением необыкновенного лицемерия или неосуществимого желания сохранить нейтральную позицию в то время, как события неумолимо втягивали Францию в противоречащую её собственным интересам войну с Испанией.

³² ГАФКЭ, дела французские, 1718 г., № 4, л. 188, 236—237.

³³ Там же, л. 226—228.

³⁴ Там же, л. 297—298.

³⁵ Там же, дела голландские, 1718 г., № 5, л. 309.

³⁶ Там же, № 2-б, л. 81; дела французские, 1718 г., № 3, л. 61.

³⁷ Там же, дела французские, 1718 г., № 4, л. 360.

Между тем не без деятельного участия английской дипломатии в Пассаровицах был заключён выгодный для Австрии мир с Турцией (июль 1718 г.). В первых числах августа был подписан союз между Англией, Францией и Австрией. Попытки урегулировать австро-испанский конфликт мирным путём потерпели неудачу, и война между Австрией и Испанией разгорелась. В конце августа английский флот без официального объявления войны разгромил испанский флот, с таким трудом сооружённый Альберони. Английское влияние в Европе всё возрастало, а Франция всё послушнее шла за своей сильной союзницей. Под давлением англичан регент устранил неугодных Англии министров, в частности, министром иностранных дел вместо де Юксея был назначен Дюбуа, безусловно преданный (и небескорыстно) Англии.

При французском дворе были возобновлены переговоры о северных делах на основании секретной статьи англо-франко-австрийского договора о том, что союзники остаются связанными обязательством о взаимной помощи до тех пор, пока не будет восстановлен мир на севере. Когда Шлейниц сделал по этому поводу представление регенту, тот ответил, что «его подлинное намерение и интерес короны французской есть равновесие в севере содержать», но что Шлейниц не без основания заметил: «Сей ответ на винтах состоит и с прежними так полезными мне данными обнадёживаниями вашему величеству не согласен есть»³⁸. Правда, новый министр иностранных дел Дюбуа и регент продолжали уверять Шлейница в дружеских чувствах к царю, но в их речах звучали новые нотки. Дюбуа пускался в «зело пространные разговоры» насчёт общего блага, для которого-де было бы очень полезно восстановление новой дружбы между царём и королём английским и что регент охотно взялся бы помогать столь доброму делу³⁹. Сам регент дал понять, что ему очень было бы приятно сделать что-нибудь, могущее способствовать установлению всеобщего мира на севере⁴⁰. Надо отдать справедливость Шлейницу: он правильно оценил эти заявления, как опасение членов четверного союза, как бы Россия по заключении Северного мира не вступила в союз с Испанией.

Особенно сильное впечатление произвёл на русское правительство разгром испанского флота. Как только в Петербурге было получено сообщение о катастрофе, постигшей Испанию, русским послам в Париже и Гааге было предложено вступить в более доверительные переговоры с представителями Испании. Надо заверить испанцев, сказано в инструкциях, что русский царь вполне сочувствует им и что поступок англичан свидетельствует о желании короля Англии «всем державам законы предписывать». Русское правительство советует испанскому королю не терять мужества и не связывать себе рук через «вредительный мир». Надо протянуть время, пока будет заключён мир между Россией, Швецией и Пруссией, и тогда царь вступит в более близкое обязательство с Испанией, «и иногда через то ещё способ найден быть может всё паки поправить»⁴¹.

Между представителями России и Испании в Париже и Гааге завязались довольно оживлённые переговоры, и можно полагать, что Альберони действительно возлагал известные надежды на помощь северных держав, продолжая борьбу с мощной антииспанской коалицией. В Европе считали тогда вполне реальным вмешательство России в австро-испанскую войну, в которую фактически уже были втянуты Англия и Франция. Это особенно беспокоило англичан, и они даже сделали некоторые попытки нового сближения с Россией. Оценка русской политики, сложившаяся у современников описываемых событий, в том же виде перешла в западноевропейскую литературу, которая готова признать, что Россия дей-

³⁸ ГАФКЭ, дела французские. 1718 г., № 4, л. 423.

³⁹ Там же, л. 428.

⁴⁰ Там же, л. 490.

⁴¹ Там же, № 3, л. 78.

ствительно намерена была вместе с Швецией вторгнуться в Англию. Стоит нам, однако, внимательно проследить ход русской политики того времени — и мы убедимся, что опасения англичан насчёт русского вторжения в Англию были если не совсем безосновательны, то, во всяком случае, сильно преувеличены. В то время, когда Россия призывала Испанию к мужеству и продолжению сопротивления своим врагам, само русское правительство рассматривало разгром испанского флота как событие, которое «в делах Европы великую отмену причиняет»⁴². Вряд ли Пётр верил в реальность авантюрных планов Альберони изгнать Георга I из Англии, вряд ли он всерьёз намеревался участвовать в осуществлении подобных планов. К тому времени, когда русско-испанские переговоры принимали более определённый характер, в России уже начали сильно сомневаться в реальности планов, созданных во время аландских переговоров, и вполне считались с возможностью разрыва переговоров на конгрессе. Вместе с тем отпадал, конечно, и вопрос о совместных русско-шведских выступлениях.

В непосредственной связи с вопросом о взаимоотношениях между Россией и Англией находились русско-испанские переговоры. Открытие Аландского конгресса и происходившие там переговоры ещё больше обостряли и без того достаточно натянутые отношения между обеими странами. С русской стороны, правда, всячески старались поддерживать видимость союзных отношений. Веселовский время от времени должен был даже делать сообщения английскому правительству о ходе аландских переговоров. Русское правительство избегало таких действий, которые бы напрасно раздражали англичан. В частности это проявилось в отношении к сторонникам претендента, служившим, по словам английских министров, камнем преткновения в русско-английской дружбе. У русского правительства были кое-какие связи с якобитами, но эти связи не следует преувеличивать. Как раз во время аландских переговоров, когда вопрос о поддержке якобитов мог приобрести более серьёзное значение, русское правительство предупреждало своих уполномоченных на конгрессе, чтобы они вообще избегали разговаривать на эту сугубо деликатную тему. Им было предложено только в крайнем случае, если шведы будут настаивать, согласиться на поддержку претендента⁴³. Веселовскому поручили даже заверить английского короля, что царю «то не противно есть», что Георг I, как курфюрст Брауншвейгский, получил от императора поручение урегулировать спор между герцогом Мекленбургским и его подданными⁴⁴.

Однако уверения русского резидента в дружеском расположении России к Англии были приняты английскими министрами с явным недоверием. На предложение Веселовского о возобновлении дружбы между Россией и Англией ему в конце концов ответили «кратко и на отсечь, что король весьма не может в оный концерт вступить, пока неготиация аландская пресечена не будет»⁴⁵.

Адмиралу Норрису, находившемуся с английской эскадрой в Балтийском море, была дана инструкция, чтобы он по возможности препятствовал объединению шведского и русского флотов⁴⁶. «Пресечение аландской неготиации» становится главным пунктом в английской политике по отношению к России. Чем глубже Англия втягивалась в войну с Испанией, тем больше её беспокоила перспектива русско-шведского союза. Английская дипломатия самыми разнообразными путями пыталась отвлечь Россию от вмешательства в европейские дела. Во время австро-турецких переговоров англичане усердно трудились над тем, чтобы одновременно

⁴² ГАФКЭ, дела французские, 1718 г., № 3, л. 78.

⁴³ Там же, дела Аландского конгресса, 1718 г., л. 135.

⁴⁴ Там же, дела английские, 1718 г., № 4, л. 71.

⁴⁵ Там же, № 7-6, л. 47—48.

⁴⁶ Michael. Englische geschichte im 18-ten Jahrhundert. B. II, S. 438.

с примирением Австрии с Турцией толкнуть последнюю на войну против России.

Старания английского посла, однако, не имели успеха. Русско-шведские переговоры, казалось, подходили к концу, и отвлечь Россию от переговоров с Испанией тоже не удавалось. После возвращения Стейнгопа из Испании в Англии окончательно убедились, что мирное разрешение австро-испанского конфликта невозможно, и тогда английское министерство меняет свою политику по отношению к России. В донесении Веселовского от 30 сентября 1718 г., после обычных рассуждений об английских претензиях по поводу претендента, мы несколько неожиданно наталкиваемся на следующее место. Покончив с обычными разговорами, статс-секретарь пригласил русского резидента «на особливую конференцию с собой и министром Стейнгопом, который объявил мне zelo в учтивых терминах, коликое почтение король и народ английский имеют к вашему величеству, толь великому монарху, и с кольким усердием желают, не только содержать, но и крепчая утвердить дружбу»⁴⁷. Англичане с несвойственной им поспешностью изъявили готовность вступить в переговоры, а когда Веселовский заявил, что он не имеет соответствующих инструкций, то у него спросили, может ли он послать к своему двору курьера за полномочиями⁴⁸.

В доказательство искренности своих намерений английское правительство объявило, что пошлёт в Россию «знатную особу». Действительно, послом к русскому двору был назначен адмирал Норрис. Однако он под предлогом болезни отказался ехать и отправился в качестве резидента Джеффериса. Веселовский характеризует Джеффериса как «почитаемого весьма неважным человеком и без всякого кредиту, к тому ж к интересам шведским zelo склонен»⁴⁹. Несмотря на это, Веселовский был настроен весьма оптимистично, выражал уверенность, что англичане действительно хотят восстановить дружеские отношения с Россией, и советовал своему правительству ковать железо пока горячо и постараться «дабы вдруг, чем ни есть, Англию обязать в фавор вашего величества»⁵⁰. Шаги английского правительства в направлении сближения с Россией были восприняты при русском дворе «со всяким удовольствием» и готовностью тут же вступить в переговоры⁵¹. Однако когда одновременно с известием о посылке в Россию адмирала Норриса Веселовский сообщил, что англичане просят послать кого-нибудь от русского двора в Англию для ведения переговоров в Лондоне, то это сразу вызвало подозрение, что Норрис «ко двору нашему токмо с одними рассказами шлётся, а полной мочи ничего постановить и заключить не имеет»⁵².

Русское правительство оказалось значительно проницательней Веселовского. Норрис действительно был послан в Россию только «с рассказами». Об этом свидетельствует официальная инструкция, данная ему английским правительством.

Инструкция содержит полномочия на ведение переговоров только о торговом договоре. Впрочем, Норрис должен был обратить внимание русского правительства на то, что Англия находится в тесных дружеских отношениях с австрийским императором и поэтому не может ни содействовать царю, ни одобрять его в мерах, «клонящихся ко вреду императора». Согласно инструкции, если окажется, что царь действительно расположен к восстановлению русско-английской дружбы, Норрис должен был воспользоваться удобным случаем и представить царю желание Англии, чтобы Россия вывела войска из Мекленбургии и Данцига и отвела

⁴⁷ ГАФКЭ, дела Аландского конгресса, 1718 г., № 4, л. 300.

⁴⁸ Там же, л. 301—303.

⁴⁹ Там же, дела английские, 1718 г., № 7-6 л. 131.

⁵⁰ Там же, л. 159—161.

⁵¹ Там же, № 4, л. 75.

⁵² Там же, л. 77—78.

их подалеже от границ империи. Срок пребывания Норриса в России ограничивался тремя или четырьмя неделями⁵³. Несравненно содержательней и определённой официальной инструкции оказалось частное письмо Стейнгопа к адмиралу Норрису по поводу его миссии в России. Нельзя не согласиться с Михаэлем, который из упомянутого письма делает вывод, что главной целью поездки Норриса в Россию было воспрепятствовать русско-шведским переговорам. Русско-английские переговоры, как это уже случалось не раз, закончились ничем, хотя в России с конца 1718 года искренно стремились наладить отношения с Англией в связи с тем, что успех Аландского конгресса становился всё более сомнительным.

Мы оставили аландские переговоры в тот момент, когда при русском дворе был составлен окончательный проект мирного договора со Швецией и разработан план его осуществления. Этот момент, пожалуй, можно считать высшей точкой, достигнутой на Аландском конгрессе, введя за которой в полном соответствии с описываемой здесь дипломатической борьбой в переговорах возникает ряд осложнений, закончившихся в конце концов разрывом переговоров. В том самом донесении, в котором Остерман сообщал о достижении соглашения и к которому были приложены выработанные после долгих споров мирные проекты, сообщалось и о том, что, поскольку дела на конгрессе приходят к концу, Герц, не желая брать на себя одного всю ответственность, вызвал из Стокгольма канцлера Мюллера. Мюллерн должен прибыть на свидание с Герцем в Нордголл, расположенный в 20 милях от места конгресса. По истечении назначенного двухдневного срока Герц не возвратился к месту, где происходил конгресс, а прислал вместо себя секретаря Штамкена, который сообщил, что Герц нашёл «канцлера с товарищи» несклонными к принятию выработанных на аландских совещаниях проектов и поэтому вынужден был поехать договариваться непосредственно с королём. Когда было получено это сообщение, Остерман находился ещё при своём дворе, но 27 августа он уже снова возвратился на место конгресса и потребовал от второго шведского уполномоченного Гилленборга объяснений происшедшей перемены. Вместо ответа Гилленборг передал Остерману подлинное письмо Герца из Стокгольма. Из письма следовало, что в Нордголле барон Герц вместо Мюллера нашёл только письмо от него, в котором тот приносил извинение, что ввиду слабости здоровья не мог прибыть на место свидания, и просил Герца приехать в Стокгольм.

По приезде в Стокгольм оказалось, что Мюллерн действительно болен, но не настолько, чтобы «не умел на 15-ти листах пространное и великое рассуждение против его, Герцева, мирного плана изготовить». В сущности рассуждение Мюллера сводилось к тому, что представленный Герцем мирный план вовлечёт Швецию в нескончаемую войну с весьма сомнительными шансами на успех, «а впрочем он, Мюллерн, сие своё рассуждение с такими другими злыми внушениями к королю подкрепил, что его, барона, ужасило». Для опровержения этих рассуждений Герц счёл необходимым поехать непосредственно к королю. Герц сообщил в своём письме, что королю делаются различные внушения и лично против него, Герца, но заверял Остермана, что всё это — не больше, как дворцовые интриги, которые, без сомнения, ему удастся преодолеть.

Остерман допытывался у Штамкена, в каком состоянии находятся переговоры между Швецией и Англией. Секретарь ответил, что переговоры эти находятся в руках Герца и что он в них старается только выиграть время и, хотя недавно в Швецию приезжала «вновь некоторая особа», с Англией ни о чём не договорились. Между прочим, Штамкен сказал Остерману, что «регент французский весьма аглицкую сторону

⁵³ Сборник РИО, т. 61, стр. 443—450.

⁵⁴ ГАФКЭ, дела Аландского конгресса, 1718 г., № 6, л. 538—541, 551.

держит и им немалые трудности причиняет»⁵⁴. После всех этих разговоров Остерман написал письмо Герцу о последних резолюциях царя и ещё раз напомнил шведскому уполномоченному, что Россию не столько интересует заключение мира со Швецией, сколько установление известной системы в Европе, что, собственно, и было главной целью происходящих переговоров⁵⁵. В тот же день Остерман написал русским министрам, что, может быть, следовало бы послать в Швецию человека для того, «чтобы того Мюллерна какими обещаниями в нашу сторону склонить»⁵⁶. Сообщение Остермана расценили при русском дворе как признак, что в Швеции произошли «великие перемены» по вопросу об аландских переговорах. Решили ожидать возвращения Герца с тем, чтобы окончательно убедиться, намерены ли шведы заключить мир с Россией, «или инако себя покажут»⁵⁷. В первых числах сентября Герц сообщил русским уполномоченным, что, прибыв к королю, он действительно нашёл дела, по внушениям Мюллерна, «в великой перемене» и что он, однако, надеется преодолеть своих противников и уже сумел «опровергнуть» противные своему плану аргументы.

Единственное, на что ссылаются его противники, это на якобы происходящий в России бунт против царя. Герц настаивал на том, чтобы немедленно был разменен находящийся в русском плену фельдмаршал Рейншильд. По мнению Герца, если Рейншильд подтвердит, что бунта никакого нет, противники Герца будут окончательно обезоружены. Слухи о бунте в России усиленно распространились голландскими газетами. Писали даже, что между бунтовщиками и верными царю войсками происходили «великие бои»⁵⁸. Есть основание предполагать, что распространение этих слухов было делом рук англичан, которые надеялись таким путём воспрепятствовать успешному завершению русско-шведских переговоров. Русское правительство с возможной поспешностью отправило Рейншильда, который в начале октября прибыл на Аландские острова.

Рейншильд жил некоторое время на квартире Остермана, который всячески убеждал шведского генерала в выгоды для Швеции заключения мира с Россией. Объединившись, русская и шведская короны в состоянии будут «баланс в Европе содержать». Прямой интерес России заставит её тогда помочь шведскому королю получить вознаграждение, так как для поддержания новой европейской системы необходимо восстановить влияние Швеции в Германии. Затем Остерман указывал Рейншильду, как ненадежна австрийская и английская дружба, поскольку эти страны заинтересованы именно в изгнании Швеции из Германии. «Внушения» Остермана произвели сильное впечатление на Рейншильда, и перед своим отъездом он обещал сделать всё, «дабы сие толь желаемое дело в состоянии привести»⁵⁹. Пока на Аландские острова прибыли назначенные для обмена на Рейншильда русские генералы, прошло более двух недель, и Герц всё время оставался в Стокгольме в ожидании Рейншильда. Такое поведение шведского уполномоченного не могло не вызвать подозрения в России, тем более что международная обстановка складывалась не в пользу России. В письме к Остерману Головкин выражал сомнение, нет ли в поведении Герца «какой обманной шутки», а «дела европейские ныне в таком смущении, что не знаемо как признать оных поведение»⁶⁰.

«Европейские дела» сильно смущали и Остермана, который выразил своё мнение в весьма пространном «Всеподаннейшем рассуждении о состоянии здешней негоциации», пересланном Петру 19 октября 1718 года.

«Рассуждение» Остермана представляет значительный интерес, так

⁵⁵ ГАФКЭ, дела Аландского конгресса, 1718 г., № 6, л. 556.

⁵⁶ Там же, л. 559.

⁵⁷ Там же, № 1, л. 198.

⁵⁸ Там же, дела Аландского конгресса, 1718 г., № 7, л. 51—63.

⁵⁹ «Журнал Петра Великого». Т. II, отд. II, стр. 538—534.

⁶⁰ ГАФКЭ, дела Аландского конгресса 1718 г., № 1, л. 222—223.

как оно перекликается с настроениями, царившими при русском дворе, и в известной мере уже предвещает неудачу аландских переговоров. Любопытно отметить, что Соловьёв, приводя этот документ, старательно опускает все места, где Остерман говорит о международном положении, а ведь именно «конъюнктуры» занимают в «Рассуждениях» первостепенное место. Остерман полагает, что лично Герц, безусловно, больше склонен к примирению Швеции с Россией, чем с кем бы то ни было другим из шведских врагов.

Герц, по мнению Остермана, исходит при этом, во-первых, из подлинного интереса Швеции, для которой дальнейшее продолжение войны с Россией грозит окончательным разорением и гибелью; во-вторых, из личных соображений — из желания отомстить королям английскому и датскому за понесённые от них обиды и вместе с тем прославить своё имя. Остерман указывал, что Герц вынужден поступать сообразно с «конъюнктурами», которые «не только что в прошедшее лето знатно отменились, но ещё и ежедневно переменяются». Состояние Северного союза таково, что шведы имеют возможность выбирать, с кем им выгоднее заключить мир. В настоящий момент самым опасным для царя является император, который больше всех завидует силе России, и всё это происходит по наущению союзников царя — королей английского и польского. Чтобы «отвратить» шведского короля от примирения с Россией, «союзники» внушают шведам, что император заставит царя вывести свои войска из Польши, и даже в газетах напечатали, что уже приготовлена 25-тысячная австрийская армия, чтобы принудить русских покинуть Польшу. Эти и подобные им внушения, приходящие из Англии, делают своё дело. Да сверх того Бернсдорф «ещё деньги к себе в помощь берёт». Всё это тормозит здешние переговоры, и, несомненно, шведы сомотрят, «куда ныне вновь наступающие чудесные конъюнктуры обратятся.. и одному богу известно», сумеет ли Герц в подобной обстановке осуществить своё, может быть, вполне искреннее желание заключить мир с Россией. Кроме того немаловажным препятствием может служить позиция короля прусского, который неохотно идёт на то, чтобы взять на себя существенные обязательства. Ещё «зрелого рассуждения достойно, можно ль со стороны его царского величества в такие дальние обязательства вступить, ежели король прусский против новых неприятелей не обяжется».

С другой стороны, именно при существующих «конъюнктурах» было бы желательно как можно скорее заключить мир со шведами, «ибо через тот мир и через новое система, которое тем миром установлено быть имеет, можно с божьей помощью всем своим недрузьям, то зло, которое они нам желают, отомстить». Чтобы ускорить заключение мира или во всяком случае узнать намерения шведов, Остерман не видел другого способа, как назначить шведам определённый срок, по истечении которого переговоры будут прерваны. Правда, здесь есть опасность, что шведы могут обратиться к другой стороне, но надо полагать, что если другая сторона действительно предлагает выгодные условия, то шведы и без того откажутся от переговоров с Россией. Впрочем, по мнению Остермана, царь всегда сумеет удержать свои завоевания, поскольку сама Швеция неопасна, а король английский вряд ли поможет ей. Получив Бреген и Верден, английский король не будет иметь особых оснований заботиться о восстановлении могущества Швеции. В крайнем случае, если Англия даже пошлёт свою эскадру против России, то «от одного флота великого опасения не видится»⁶².

Через несколько дней Остерман снова писал царю, что интриги при шведском короле против заключения мира с Россией продолжаются и, как бы твёрдо барон Герц ни стоял на своём, вряд ли он будет в состоянии довести до конца начатое дело.

⁶² ГАФКЭ, дела Аландского конгресса, 1718 г., № 7, л. 205—232.

Остерманом начало овладевать отчаяние. Он видел, что перспективы переговоров неблагоприятны. Его опасения особенно усилились, когда барон Герц на пути из Стокгольма на Аландские острова задержался по случаю плохой погоды. В письме к Шафирову и Головкину Остерман не скрывает своего пессимизма: «По всему видно, что божьего соизволения ещё на то нет, что б наши дела здесь к какому окончанию приведены были, и ветер всё противный барону Герцу стоит... и хотя нам то переменить невозможно, однако же я воистину от всех таких переключающихся препятий в неописанной десперации обретаюся и не ведаю, что делать»⁶³. Наконец, 6 ноября барон Герц возвратился на конгресс. Из первых же разговоров с ним русские уполномоченные заключили, что Герц не намерен заканчивать переговоры, а только «негодиаию паки в течение приведёт» и снова уедет⁶⁴. Так и случилось. Герц пробыл на Аландских островах только 5 дней, в течение которых шли непрерывные и очень важные переговоры с Остерманом. Содержание этих переговоров Остерман изложил в письме к Петру от 14 ноября 1718 г., озаглавленном «Порядок дела, происшедшего здесь на конгрессе в нынешнюю бытность барона Герца».

7 ноября, поутру, к Остерману явился Штамкен и передал от имени Герца краткое описание состояния дел для предварительного ознакомления перед началом конференции. Согласно описанию, дела представлялись в следующем виде: Карл XII вынужден заключить мир или с царём или с королём английским, с обоими государями ведутся переговоры, и оба обещают Швеции помощь, но тот и другой хотят получить завоёванное. Уступки, которые надо сделать английскому королю, не так тяжелы, как те, которые требует русский царь. Король Швеции слушает только советы Мюллерна и Герца, из которых первый склоняет короля к миру с Англией, а второй — с Россией. Но сам король больше склонен к миру с русским царём. Мюллерн представляет Карлу все те опасности, которыми чреват мир с Россией, поскольку выполнение условий его весьма трудно и даже невозможно. Мюллерн приводит ряд причин, которые, по его мнению, будут препятствовать проведению в жизнь русско-шведских проектов: 1) император, который, заключив мир с турками, «в великой силе обретається», и не допустит новой войны в империи; 2) испанцы, на которых можно было раньше возлагать надежды, побеждены и будут вынуждены примириться; 3) регент французский «весьма англичанам в руки отдался и, следовательно, королю английскому вспомогать не оставит»; 4) по мнению Мюллерна, можно опасаться, что сам царь, убедившись, насколько трудно выполнимы условия русско-шведского мира, перейдёт на сторону противников Швеции, и тогда король шведский, очутившись с лучшей своей армией в Германии, без связи со своим королевством, «вонсе пропадёт»; 5) если бы царь согласился непосредственно помогать против короля датского с тем, чтобы возвратить Швеции Штральзунд, то король шведский получил бы некоторую гарантию своей безопасности, так как была бы установлена связь между шведской армией в Германии и непосредственно Швецией. Во время описываемой встречи с Остерманом Штамкен заявил, что всё дело зависит от того, согласится ли царь на заключение со Швецией наступательного и оборонительного союза против всех врагов короля шведского с тем, чтобы вспомогательный корпус русских войск и вспомогательные русские военные корабли находились в полном распоряжении Карла. Вместе с тем он поставил вопрос, может ли быть дана гарантия и какая именно, что «регент французский за короля английского вступаться не будет». Прибывший через некоторое время на это совещание Герц подтвердил, что Швеции должна быть обеспечена безопасность, которая может быть до-

⁶³ ГАФКЭ, дела Аландского конгресса, 1718 г., № 7, л. 258—259.

⁶⁴ Там же, л. 277.

стигнута только в том случае, если царь согласится действовать прямо против Дании. Остерман на это ответил, что такая постановка вопроса совершенно изменяет направление переговоров. Начались взаимные упреки. Русский уполномоченный обвинял шведского в затягивании дела. Герц в своё оправдание ссылался на конъюнктуры, «которые таким образом отменялись», что надежда на присоединение к проектируемому плану Франции отпала, поскольку Франция «от часу до часу больше с Англией вяжется». Герц утверждал, что после перемены во французском министерстве французское правительство побуждает Швецию к заключению мира с Англией даже ценою уступки Бремена и Вердена, в то время как ранее французы склоняли Швецию к примирению с Россией. В подтверждение своих слов Герц показал письмо шведского посла во Франции, который сообщал, что Дюбуа настаивал перед ним, чтобы Швеция искала способа примириться с Англией. Когда же Остерман сказал Герцу, что царь в таком случае вынужден будет принять иные меры, чтобы заставить шведов заключить мир, шведский уполномоченный, «вступая в сердце», ответил, что он, собственно, никогда не удерживал русских от принятия иных мер «и не может в самой конфиденции утаить», что ему было бы весьма приятно, если русские приняли бы иные меры; тогда шведский король скорее примет определённое решение. На это заявление Остерман заметил: «Ежели барон Герц сатаны в сердце не имеет, то по такому откровенному объявлению можно бы чаять, что он правдиво в сем деле поступает». Разговоры между уполномоченными продолжались ещё в течение нескольких дней и вращались главным образом вокруг вопроса о Дании. Герц предлагал различные варианты разрешения этого злополучного вопроса, но придти к определённому решению не удалось, и Герц снова уехал к своему королю, обещав возвратиться обратно через четыре недели⁶⁵. Уезжая, Герц оставил письмо, в котором излагал ход переговоров и высказывал мнение, что ввиду изменившейся международной обстановки в Европе изыскать эквивалент для Швеции удобнее всего за счёт Дании⁶⁶.

Приведённый документ с достаточной очевидностью показывает, что в Швеции очень трезво и правильно оценивали создававшуюся международную обстановку и совершенно ясно представляли себе всю трудность осуществления планов, выработанных на Аландском конгрессе. Что же касается вопроса о Дании, то для тех из шведских государственных деятелей, которые не хотели заключения мира с Россией, это был только удобный предлог для оттяжки переговоров. При всём своём влиянии на Карла и, может быть, при вполне искреннем его желании добиться заключения мира с Россией Герц вряд ли мог добиться успеха. Участь Аландского конгресса была решена независимо от Герца и его честолюбивых планов. В то самое время когда шведский уполномоченный находился в пути, направляясь к своему королю за окончательным решением, в России уже решили совершенно определённо, что грандиозные планы перестройки системы европейских политических отношений в создавшейся международной обстановке неосуществимы. 16 ноября 1718 года, т. е. ещё до того, как при русском дворе стало известно о содержании последних переговоров на конгрессе, из Петербурга на имя Остермана был прислан рескрипт, фактически решивший участь конгресса. Если Остерман, гласит рескрипт, до сих пор ещё не объявил шведским уполномоченным о содержании сепаратных статей, данных царём, то пусть он их не объявляет, а если уже объявил, то надо внести изменения. По первой статье, относящейся к восстановлению на польском престоле Лещинского, русское правительство предлагает постановить, чтобы полякам была предоставлена возможность избрать кого-либо третьего на польский

⁶⁵ «Журнал Петра Великого» Т. II, отд. II, стр. 542—564.

⁶⁶ Там же, стр. 566—567.

престол, помимо Августа и Лещинского, так как восстановить последнего на престоле «по нынешним конъюктурам в Польше находится немалая трудность». Однако пункт о короле польском не так важен, как вопрос об оказании помощи Швеции в получении эквивалента за счёт Ганновера. В выполнении этого пункта по «нынешним конъюктурам находится великая трудность». Сами шведы могут рассудить, указывается в рескрипте, можно ли выступить против Ганновера, «когда корона французская при правлении регента противно своему истинному интересу в пользу Англии и цесарю ныне крепко обязалась». Если была ещё некоторая надежда, что «консилий французской» не допустит, чтобы регент принял что-нибудь против интересов царя, то теперь, в связи с последними министерскими изменениями во Франции, эта надежда отпадает. Положение может измениться только тогда, когда нынешний малолетний французский король возьмёт власть в свои руки или же, если он умрёт, вся полнота власти перейдёт в руки регента и Франция снова станет действовать в своих национальных интересах. Исходя из создавшегося международного положения, Россия предложила новый план, чтобы, пока не изменится существующее положение вещей во Франции, «в главное бы дело не вступать в империи, но положить между собою накрепко обязательство и пообещать той отмены во Франции». Шведы могут принять такое предложение за простую проволочку. Царь готов в таком случае представить в распоряжение шведского короля обещанный 20-тысячный вспомогательный корпус, но отнюдь не может взять на себя обязательства действовать всеми силами в империи, «ибо для нынешних конъюктурах надлежать будет не токмо против цесаря и Англии, но и против Франции действовать, от которой бы в сем деле впредь помощи ожидать надлежало». В действительности помощи ждать теперь не от кого, тем более что король прусский, видя для себя опасность от этого дела, не хочет брать на себя серьёзные обязательства перед царём. Что же касается обещанной помощи Швеции флотом, то было предложено в окончательной редакции этого пункта опустить слова о помощи большей частью кораблей или всем флотом, а написать «глухо» о помощи флотом⁶⁷. Комментарии изложенного документа, пожалуй, излишни. Пётр явно отказывался от осуществления своих собственных планов и фактически шёл на разрыв аландских переговоров. Только по дипломатическим соображениям Остерману велели как можно дольше тянуть переговоры.

Насколько твердо было решение Петра, свидетельствует письмо Шафирова к Остерману, написанное через два дня после отсылки рескрипта. Царю донесли о том, пишет Шафиров, что изменения в сепаратных артикулах «может всё дело остановить» и, может быть, царь согласится пересмотреть своё решение. Пётр ответил на это, что можно кое-что смягчить в отношении короля польского, но не может быть и речи о том, чтобы действовать всеми силами в империи⁶⁸.

Царский рескрипт поставил Остермана в чрезвычайно затруднительное положение. Он не видел способа одновременно объявить изменения, которые «всю здешнюю негоциацию отменяют», и при этом не разрывать конгресса. Единственный выход заключался в том, чтобы, воспользовавшись отъездом Герца, пока не делать никаких заявлений⁶⁹. Такое же решение было принято русским двором, когда там узнали, что Герц снова уехал в Швецию.

Любопытно, что само русское правительство признало правильность доводов шведского канцлера о невозможности привести в исполнение намеренный план. В ответ на сообщение об отъезде Герца русское правительство дало знать своим уполномоченным, что сведения, полученные в России по поводу позиции герцога Орлеанского, совпадают со швед

⁶⁷ ГАФКЭ, дела Аландского конгресса, 1718 г., № 1, л. 261—263.

⁶⁸ Там же, л. 268.

⁶⁹ Там же, № 7, л. 451—453.

скими. Однако, по мнению правительства, продолжать Аландский конгресс необходимо для того, чтобы английский король не воспользовался разрывом переговоров. Русские уполномоченные должны были воздержаться пока от объявления рескрипта от 16 ноября, а вместо этого воспользоваться шведским требованием о выступлении против Дании как удобным предложением для затягивания переговоров⁷⁰.

Указания уполномоченным о продолжении конгресса были посланы 30 ноября, а на следующий день, 1 декабря, всем русским послам при иностранных дворах были разосланы инструкции о том, как им вести себя в связи с создавшейся обстановкой.

При всём различии в содержании этих инструкций они объединены одной общей идеей, которую можно сформулировать следующим образом: Аландский конгресс не удался, и перед русской дипломатией теперь поставлена задача не создания новых союзов, призванных перестроить всю систему европейских международных отношений, а гораздо более скромная — принудить Швецию пойти на выгодный для России мир, что в данный момент было равносильно недопущению заключения мира между Англией — Ганновером и Швецией.

В этом направлении должны были действовать русские послы при всех иностранных дворах. Куракин должен был попережнему заверять испанского посланника в Голландии, что по заключению мира со Швецией Россия поможет Испании с тем, чтобы Испания со своей стороны склоняла шведского короля к миру с Россией и «пресечению» переговоров с Англией⁷¹. Хотя поведение английского правительства во время посылки в Россию адмирала Норриса внушало русскому правительству опасения, что Англия не намерена вести с Россией серьёзные переговоры, Веселовскому поручалось всё же прилежно склонять англичан к действительному сближению с Россией. Веселовский должен был заверить английского короля, что сепаратному миру со Швецией царь предпочитает «генеральный мир со всеми союзниками». Он должен был заявить, что, как только между Россией и Англией будет достигнуто соглашение о «действиях против неприятеля», переговоры на конгрессе тотчас будут прерваны⁷².

Наибольший интерес представляет инструкция русскому послу во Франции Шлейницу. Эта инструкция является ответом на предложения, сделанные русскому послу со стороны Дюбуа. Дюбуа весьма туманно заявил, что регент желает при «настоящих конъюктурах» откровенно договориться с царём, «дабы предостеречь, что б с обеих сторон иногда с другими державами какие меры восприты не были, которые б намерением ближайшего соединения между вашим царским величеством и Францией препятствовать не могли». В переводе на обыкновенный язык заявление Дюбуа означало не что иное, как попытку Франции удержать Россию от поддержки планов Альберони. Что касается Северной войны, то Дюбуа поставил вопрос следующим образом: если мир между Россией, Швецией и Пруссией уже заключён, то регент готов всячески содействовать «соединённым намерениям «северных держав», ежели токмо оные (намерения. — X. С.) никакой диверсии против Англии и запаления военного пламени в римском государстве не содержат». Если же Аландские переговоры прерваны, то регент готов содействовать установлению на Севере всеобщего мира, причём, кроме Франции, в этом деле должны будут принять участие император и Англия. Для большей убедительности Шлейницу сообщили в «высшей конфиденции», что заключение мира между Швецией и курфюрстом Ганноверским «в руках регента обретается»⁷³. Французские предложения были получены в Петербурге как нельзя более вовремя. Озабоченное больше всего тем, как бы Англия,

⁷⁰ ГАФКЭ, дела Аландского конгресса, 1718 г., № 1, л. 273.

⁷¹ Там же, дела голландские, 1718 г., № 2-а, л. 92—95.

⁷² Там же, дела английские, 1718 г., № 4, л. 79—81.

⁷³ Там же, дела французские, 1718 г., № 4, л. 557—560.

воспользовавшись неудачей Аландского конгресса, не заключила сепаратного мира со Швецией, русское правительство приняло французские предложения как удачный выход из создавшегося затруднительного положения.

Однако в России прекрасно понимали, как мало можно доверять хорошим словам Дюбуа. Поэтому, давая своё согласие на принятие французского плана, Пётр поставил определённое условие: Россия готова возобновить со своими союзниками прежнюю дружбу и союз, «предав всё прежнее в забвение», при условии, если Франция гарантирует, что никто из северных союзников не заключит со Швецией сепаратного мира и все переговоры, которые сейчас ведутся со Швецией, будут прерваны. В частности регент должен дать «письменную асекурацию, что он короля великобританского, яко курфюрста, не допустит до того партикулярного миру». Кроме того должно быть постановлено, что в случае, если одна из сторон заключит сепаратный мир, регент будет помогать тому, кто останется в войне со Швецией. Что же касается посредничества императора и Англии, то Россия против этого пункта не возражает при условии обеспечения за ней всех её завоеваний, в чём опять-таки должно быть письменное обязательство со стороны Франции. Шлейниц должен был заверить регента, что если Швеция будет окончательно изгнана из Германии, то корона французская ничего не потеряет, «но вместо того нас и короля прусского подлинно к своей диспозиции и к вящему авантажу всегда иметь будет». Шлейницу было предложено в случае, если регент предложит что-нибудь другое, принять всё, что не противоречит интересам России, а главное, торопить французов, чтобы они как можно скорее вступили в переговоры, для ведения которых Шлейницу с нарочным были посланы полномочия⁷⁴.

Когда писались все приведённые документы, в России ещё не было известно о смерти Карла XII, последовавшей 30 ноября 1718 года. Шведский король умер как раз в тот момент, когда рушились его последние надежды на восстановление былого могущества Швеции. Смерть Карла XII не оказала какого-либо влияния на дальнейший ход аландских переговоров, за исключением того, что они затянулись в связи с внутренними распрями, возникшими в Швеции: шведы стремились затянуть Аландский конгресс до тех пор, пока не разрешится внутривластительский кризис в стране и не определится внешнеполитическая ориентация нового правительства. Отношение России к европейским событиям и дальнейшие задачи её дипломатии были, как мы видели, совершенно точно определены именно в конце 1718 г. и ни в какой степени не связаны с жизнью или смертью Карла XII.

Мы смело можем прервать здесь изложение истории Аландского конгресса и подвести некоторые итоги. Неудачный исход Аландского конгресса нельзя рассматривать просто как поражение русской дипломатии. Дело здесь не в дипломатии, а в том, что изменилась международная ситуация. Пётр, конечно, прекрасно понимал, что сама Россия не в состоянии создать и поддерживать новую политическую систему. С самого начала Аландского конгресса расчёт строился на том, что созданию политической системы на севере Европы будет способствовать Франция, во всяком случае, что она не станет мешать в этом деле. Однако Франция Дюбуа и Джона Ло была неспособна создать какие бы то ни было политические системы и всё больше включалась в орбиту внешней политики Англии. Союз Франции с Австрией и её война с Испанией в угоду Австрии и Англии свидетельствовали о том, что Франция не только не станет помогать России, но может даже оказаться в числе её врагов. Когда Пётр окончательно убедился в этом, он понял, что его грандиозные планы неосуществимы, и сам отказался от них. Говоря о неудаче Аландского

⁷⁴ ГАФКЭ, дела французские, 1718 г., № 3, л. 84—87.

конгресса, нельзя обойти молчанием позицию Пруссии, которой предназначалась активная роль в создании так называемой Третьей партии в империи. Пруссия, стремившаяся прежде всего к получению своей доли при дележе шведского наследства в Германии, не разделяла широких замыслов Петра Великого. Два момента в данном случае определяли прусскую политику: во-первых, действовал сильный нажим со стороны Австрии и Англии, которые не жалели угроз по адресу прусского короля; во-вторых, сами прусские политики вряд ли могли желать, чтобы Россия стала фактической хозяйкой в Северной Германии. В конце концов Пруссия категорически отказалась предпринимать какие бы то ни было действия, прямо направленные против Англии и Австрии, что в сочетании с позицией Франции ещё больше должно было убедить Петра в неосуществимости его планов.

Аландский конгресс, больше чем какой-либо другой факт из истории Северной войны вообще и, в частности, её дипломатической истории, подтверждает положение Энгельса о том, что «Германия занимала Петра больше, чем какая бы то ни была другая страна, за исключением Швеции... стать твёрдой ногой в Германии, занять там то положение, которое так хорошо использовала Франция и для использования которого Швеция была слишком слаба, — это было для него главной задачей»⁷⁵.

Неудача Аландского конгресса знаменовала собой безуспешность последнего и, пожалуй, самого смелого шага, предпринятого Петром в этом направлении. После отказа самого Петра от использования Аландского конгресса для основания новой политической системы в Европе русская дипломатия решила ограничиться завершением Северной войны в рамках русско-шведских отношений. Надо было заключить мир со Швецией на таких условиях, чтобы за Россией остались все её основные завоевания. Русское правительство решило не порывать конгресса, а попытаться всеми возможными способами убедить Швецию, что в её же собственных интересах выгоднее заключить мир с Россией, чем с Англией, которая всё равно не окажет Швеции обещаемой помощи. Однако ни Лефорт, ни Остерман, которые летом 1719 г. посетили Стокгольм, не могли убедить в этом новое шведское правительство, находившееся под влиянием сторонников примирения с Англией. Шведы рассчитывали, что ценой уступки Ганноверу Бремена и Вердена они купят серьёзную помощь Англии для продолжения войны с Россией с целью возвращения некоторых Остзейских провинций. После некоторых колебаний Швеция решила заключить мир с Ганновером. В августе 1719 г. шведскому уполномоченному на Аландском конгрессе был послан указ о прекращении переговоров с Россией, а в сентябре уполномоченные обеих держав разъехались. Аландский конгресс окончился, не разрешив ни одной из поставленных перед ним задач.

⁷⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 12.